

«я по профессии не актриса.

Я по профессии гречанка. И не знаю профессии более прекрасной и почетной».

Так однажды ответила Мелина Меркури на вопрос, почему она покинула кинопавильоны и театральные подмостки.

О ВРЕМЕНИ, О ЖИЗНИ, О СЕБЕ

В гостях у Мелины Меркури

Вопрос этот был задан ей лет пятнадцать назад, когда актриса, забыв все выученные роли, выбрала одну-единственную — говорить только от своего имени и от имени тех, кто томился под властью фашистской хунты. Она тогда находилась в эмиграции — долгие семь с лишним лет, по ту сторону проволочных ограждений лагерей, где были заключены лучшие сыновья и дочери греческого народа. Сердце же ее, раскаленное от страданий соотечественников, оставалось с ними. Голосом ее заговорила свободолюбивая Греция, и слова эти услышали во всем мире. Так она во второй раз в жизни выбрала свою судьбу. На сей раз бесповоротно, связав свою жизнь с демократическими силами своей родины. Так она стала депутатом парламента от трудового Паряса и министром культуры и наук Греции в правительстве страны.

Она живет в Афинах на Колонаки — в районе, без которого грек не мыслит своей столицы. Колонаки примостились под горой Ликавитос, увенчанной церковью святого Георгия. Это древняя цитадель Афин.

Жить на Колонаки Мелине Меркури было определено рождением. Ее дед почти четверть века служил мэром Афин, депутатом парламента был отец, и самостоятельная жизнь началась для нее с громкой артистической славы.

Итак, Колонаки, дом Мелины Меркури. Мы поднялись по мраморным ступеням лестницы — в Греции все лестницы мраморные, из-за консервного столика навстречу нам с вежливой решительностью, не оставляющей сомнений в роде их занятий, привстали два молодых человека спортивного вида, но, удостоверившись, что мы с корреспондентом АПН в Афинах Борисом Королевым именно те, кому назначена встреча — министр, указали на лифт. Не лишняя краска для понимания сегодняшней обстановки в стране. Хотя силы демократии и победили в Греции, но есть еще немало таких, кто желал бы возвращения времени черных полковников и ради этого готов на любые провокации. Так что охрана в подъезде — не профформы и протокола ради.

Лифта было два. Мы открыли дверь одного, поднялись на нужный нам этаж и неожиданно для себя, как, впрочем, и для женщины, склонившейся над плитой, очутились на кухне. «Шел в комнату, попал в другую...» Но что-то в этом было — перепутать парадный лифт с подсобным и сразу соприкоснуться с теплом домашнего очага, войти в дом без всяческих церемоний. Тем более что хозяйка пригласила нас для беседы не в служебный кабинет, а домой. Так ей было проще и удобнее. Дни Меркури расписаны по часам и даже по минутам, так что Колонаки оказались единственным местом, где в девять утра мы могли начать наш разговор.

Из кухни мы прошли в гостиную с низкими мягкими диванами и креслами вокруг еще более низкого прямоугольного стола, усадившись. Было несколько минут, чтобы оглядеться. Из гостиной вели две лестницы. В одном углу — наверх, в другом — вниз. Верхняя — на крышу, как потом объяснила нам

Мелина, признавшись, что не знает лучших часов, когда после испепеляющего летнего зноя ночью можно подняться на остывающие камни крыши и сидеть под бездонным звездным небом. А нижняя ведет в жилую часть дома, откуда-то и вышла легкой, стремительной походкой Мелина Меркури.

По-домашнему одетая — на ней были не стесняющие движений и не претендующие на моду широкие клетчатые брюки, свободная блузка. Копна рыжих, а может быть, не рыжих, просто бронзово закаленных солнцем волос, глаза, от взгляда которых невозможно оторваться, — густая темнота зрачков в перламутровой миндалевидной оправе. Мелина была первой кинозвездой Греции, покорившей мир, и, хотя кино давно в прошлом, будто и сейчас в ее взоре пляшут молнии отсвета юпитеров. В США, Англии, Франции в середине пятидесятых годов на нее пытались сделать нового идола, называя «греческой достопримечательностью № 2» — после Парфенона. Мелина же «достопримечательностью», пусть даже «№ 1», стать не пожелала.

«Искусство было для меня в начале жизни всем», — говорит Меркури. — Я мечтала о сцене, окончила школу Афинского национального театра, пробовала играть на театральных подмостках, но как-то сценическая судьба не сложилась, а вот в кино все сразу завертелось, закружилось, особенно после «Стеллы», получившей премию в Канне в 1955 году. От предложений и ролей не было отбоя, и я счастлива, что это все выпало на мою долю. Но еще больше счастлива тем, что судьба дала мне возможность сыграть в жизни собственную роль. Нет, «сыграть» — слово неточное. Не сыграть — прожить жизнь так, как велит долг чести. Не приспособившись к обстоятельствам, не отворачиваясь от забот своего народа.

Она вправе так говорить. Потому что, когда над Грецией воцарилась черная ночь черных полковников, она, как свободный посол пораженной страны, перелетала из одной европейской столицы в другую, ее зажигательные речи на митингах воспеваемых друзей Греции и вызывали ненависть диктаторов. Ей угрожали, и не просто так, а кровавой расправой. В Генуе, где она должна была выступать, в зале обнаружили бомбу. «Бомба против меня? Это прекрасно», — сказала Мелина. — Значит, я настоящая актриса».

Министр внутренних дел Греции Паттакос пригрозил Меркури, что правительство лишит ее гражданства, если она не прекратит своих выступлений. — Меня невозможно ли-

шить гражданства, — гордо ответила Меркури. — Я родилась гречанкой и гречанкой умру. А господин Паттакос как родился фашистом, так фашистом и останется до самой могилы.

Ее язык был острым, как лезвие бритвы. Те, кто видел в ней раньше только красавицу кинодиву, подобно Афродите, явившейся на свет в радужных брызгах кинопотока, почувствовали в ней мудрость Афины-воительницы. Она объявила хунте настоящую войну, выбрав единственно возможное в ее условиях оружие — правду.

— Я никогда не забуду диктатуру полковников, жизнь в изгнании. Это горькие воспоминания. Но есть и другие, — говорит Меркури. — Режим хунты был омерзительным, но, к счастью, не погубил ее бесчеловечной сущностью, но, может быть, он продолжался бы дольше, если бы не та обструкция, которую устроили ему прогрессивные люди земли. Деятели культуры и искусства были в первых рядах этой борьбы против греческой диктатуры, и я с благодарностью вспоминаю слова поддержки, которые прозвучали из уст Сартра, Симоны де Бовуар, Евгения Евтушенко.

Как актриса, Мелина Меркури хорошо знала великие образцы греческой трагедии, но то, что довелось пережить ей, она называет греческой трагедией нового времени. Нельзя без содрогания слушать ее рассказ о том, как на родине умерла мать, когда Мелина была в изгнании. Она бросила вызов хунте и потребовала дать ей возможность приехать на похороны. Отказав, когда у Мелины был такой авторитет в мире, хунта не посмела.

— Я вернулась домой, — рассказывает Меркури. — и увидела два лика смерти: самого дорогого мне человека и самой дорогой мне земли. Страх сковал ее и запустел. Я еще раз поклялась, что, если останусь в живых, все отдам, чтобы солнце снова взошло над Грецией. На похоронах не было моих друзей — кто был в застенках, а кто боялся. Страх, вот уж правда, — самое тягостное для человека чувство, унижающее и растаптывающее его. Пришла только моя подруга, моя дорогая Дени, как мы ее ласково зовем, актриса и декоратор Вахлиоти Феони. Можно ли забыть такое участие? Даже для я не была в Греции, всего несколько часов я была там, за мной следили неотступно, мне ничего не дали взять из дома, но за это время передо мной прошла вся прошлая и будущая жизнь.

Мелина вернулась в Грецию, когда власть хунты пала. И тогда ей покорилась сцена, о которой она мечтала в начале своего творческого пути. Она играла не когонибудь, а Медею Еврипида. Она играла ее по всей Гре-

ции, в старых античных театрах, собирая тысячные толпы зрителей, она приезжала в самые дальние уголки провинции, и древний сюжет обретал сегодняшнее звучание. Ее Медея была кличем свободы, плачем по погибшим и замученным.

Меркури вспоминает эти поездки по стране с гордостью.

— Сейчас все хотят играть там, где больше народа. Не думайте, что это от меня пошло. Но я-то ощутила, что такое многотысячный зал, разом затаивший дыхание.

В гостиную появляется пожилой, очень худой, с бледным лицом и печальным взором человек — знаменитый французский режиссер Жюль Дассен. Мелина знакомит нас с мужем, который в изгнании был ей самой надежной опорой. Сам он не так давно тоже пережил трагедию — в расцвете сил и молодости умер его сын, знаменитый певец Дико Дассен. У Мелины и Дико были прекрасные отношения, по-настоящему дружеские, и боль утраты оставила еще один рубец на сердце.

Жюль Дассен давно ничего не снимал, но рассказал, что впервые в жизни собирается поставить оперу. Наш разговор состоялся некоторое время назад, а буквально вчера я узнал от члена жюри Московского балетного конкурса Олимпиады Геладари, что премьера этой оперы — «Отелло», осуществленной силами Национального театра под руководством Дассена, состоится 5 июля на сцене античного театра «Ироду Атикус» в рамках Международного афинского фестиваля искусств.

Организатор этого фестиваля — министр культуры и наук Греции Мелина Меркури.

— Так как я не министр иностранных дел, а министр культуры, — улыбается Меркури, — я считаю, что основное в мире — это дружба деятелей культуры и искусства. Если у них будут теплые отношения между собой — это огромная помощь миру. Я поклонница встреч между государствами. И считаю, что самая настоящая политика — это развитие культурных связей между государствами. Таким способом можно крепить мир. Я даже верю, что это будет влиять и на экономические отношения. Если отношения со странами социализма будут лучше, лучше будет всем нам. Я имею право так говорить, я гречанка, а наши страны имеют давние связи, которые обогатили всех нас. И связи эти еще больше укрепятся во время февральского визита в СССР премьер-министра Греции Андреаса Папандреу.

Мелина Меркури говорит, что она никогда не забудет, как ее принимали в Советском Союзе. «Это был заряд бодрости», — переводят нам с греческого ее слова. А она, считая, что этого недостаточно, добавляет вполне международное слово «Импулс!» и несколько раз повторяет его, подтверждая выразительной мимикой лица.

— Мне очень нравится, что в СССР и странах социализма культуре уделяется такое внимание. Это культура по-настоящему для народа, а не для избранных, когда у каждого есть возможность не только знакомиться с культурными ценностями, но и заниматься самостоятельным творчеством. Я как министр, и наше движение ПАСОК стремимся, чтобы наш народ тоже имел возможность глубже узнать свое великое прошлое, не забывал бы своих традиций. Но здесь так много упущено, и у нас настолько меньше возможностей...

Мелина замолкает на минуту и со страстью продолжает:

— Бич Запада — массовая буржуазная культура, которая насаждалась десятилетиями. Американцы стремятся повлиять на западные страны не только экономически, но и насаждением в них своей культуры. Она у них индустрия, прикрывающаяся маской культуры. Нам не нужны эти подделки, так же, как не нужны американские базы на нашей земле.

Меркури говорит о засилье на кино- и телеэкранах американских боевиков, о ничемности развлекательных картин, которые забываются через несколько минут, но засоряют мозги и чувства своей пустотой, бездуховностью.

— И в то же время, — говорит она, — я считаю, что кино и телевидение — это мощное оружие против всех форм фашизма, насилия. Будущее за таким искусством.

Разговор заходит о великой истории культуры Греции, и Меркури с гордостью говорит о том, сколько дала Греция всему человечеству. И не может сдержать возмущения, когда вспоминает о тех утратах, которые понесли древние памятники, разграбленные чужеземцами и выставленные сегодня в парижском Лувре, в Британском музее. Я рассказываю актрисе и министру о том, что «Советская культура» не однажды писала о борьбе Греции и лично Мелины Меркури за возвращение национальных сокровищ.

— Такая поддержка необъяснимо важна, — говорит она. — Возвращение сокровищ для нас дело жизни, и мы никогда от него не отступимся. Разбой не может быть узаконен. И давности срока для него не существует.

Но памятники прошлого не только оборачивают наш взор вспять, они связывают нас и с будущим. Об этом думаешь, вспоминая организованные Мелиной Меркури движения «Призыв Акрополя за мир, жизнь и разрушение». 22 марта 1984 года инициатива Меркури поддержали десятки стран, у древних колонн Парфенона состоялся митинг, участники которого замерли в минуту молчания. «Многое может случиться за минуту, — говорит Мелина Меркури, — за это время мир может быть стер с лица земли».

22 марта у древних стен Акрополя появилась современная мраморная мемориальная плита. Всего три слова на ней, но как глубока их связь и как расширителен смысл: «Акрополь — Мир — Цивилизация».

Увы, и без войны цивилизация посягает на Акрополь — его точат кислотные дожди, загазовывая атмосферу. И Мелина Меркури как министр культуры, как гречанка считает своим и общим долгом спасти его, сохранить на века. Когда мы встречались с Меркури некоторое время назад, она рассказывала о предстоящей выставке, посвященной Акрополю, в Москве и выражала надежду еще раз побывать в Советском Союзе.

Она с восхищением вспоминала дни, проведенные в Ленинграде, сказав, что это город-сказка, истинная гармония архитектуры и природы. Когда Мелина о чем-то говорит, кажется, смысл слов ее можно понять и без перевода — так эмоциональна ее мимика, так точен жест, так проникновенен, ироничен, восторжен тембр ее грудного, низкого голоса.

И вот эта выставка смонтирована в залах Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, а вчера в нашу столицу прилетела Мелина Меркури, чтобы участвовать в церемонии открытия выставки.

Хорошо, когда сбываются надежды. И личные, и общие. Наше культурное сотрудничество с Грецией крепнет год от года.

Мелина Меркури среди тех, кто готов это сотрудничество развивать дальше. Я вспоминаю утро на Колонаки, обаятельный облик такой знаменитой и такой простой женщины и ее трогательную надпись на фотографии — не автограф, а пожелание счастья.

Спасибо, Мелина Меркури, за искренность и доброту. Мы тоже помним, что музы искусств и истории родились в Греции. Пусть вечен будет Акрополь, напоминал миру, что двадцать четыре века цивилизации — миг в продолжающейся истории человечества.

Ал. АВДЕЕНКО,

спец. корр.
«Советской культуры».
АФИНЫ — МОСКВА.